

ОЗАРЕНИЕ ПАМЯТИ

Заметки о новом романе Олесе Гончара

Герои нового романа Олесе Гончара «Твоя заря» действуют в триедином временном измерении — в прошедшем, нынешнем и будущем. Они — и судьи истории, и вместе с тем — активные ее творцы.

С главным героем Кириллом Заболотным мы знакомимся в ситуации экстремальной: в горящем самолете он падает на оккупированную фашистами родную землю. Тяжело раненного, его находят сельские дети. Простая крестьянка Оксана и ее дочь Софийка вместе с односельчанами, ежедневно подвергаясь смертельной опасности, спасают ему жизнь. Вскоре он снова будет летать, затем после учебы станет дипломатом, в послевоенной депрессии разыщет Софийку и навсегда соединит с ней судьбу.

Он — а вместе с ним и мы — вспомнит об этом сегодня в автомобиле, на одном из сверхскоростных «хайвеев» Америки семидесятых годов. В автомобиле едут двое — дипломат Кирилл Заболотный и друг его детства, а ныне известный ученый-эколог, прибывший за океан на очередной симпозиум. Позвало их в дальнюю дорогу сообщение в сугубо американском сенсационном духе: объявилась славянская мадонна, шедевр неизвестного мастера... Приобретена где-то в Европе, с надлежащими мерами предосторожности переправлена через океан, и вот картина — в богатейшей коллекции одного из музеев. Сообщение это всколыхнуло воспоминание: в далеком детстве их потрясла своя мадонна, созданная странствующим художником, который вроде бы даже был знаком с Репиным и Куинджи. Будучи в их краях, он и срисовал Надьку — земной, языческой красоты и трагической судьбы дочь хutorского умельца Романа Винника. И то детское потрясение от прикосновения к подлинному ис-

кусству осталось в их памяти.

И вот двое, подгоняемые жаждой увидеть таинственный шедевр, стремятся не только к мадонне как творению искусства — они спешат в свое детство. Вспоминают о прошлом подробно, не забывая, что сзади в машине сидит «серьезное, может, даже чересчур серьезное... типичное дитя эпохи акселерации» — Лида Дударевич, четырнадцатилетняя дочь коллеги Заболотного.

Собственно, ее присутствие и заставило двух солидных мужчин выстроить свои воспоминания в такой ряд. Убедительно сказал в свое время известный просветитель-демократ Тимофей Грановский о том, что мы не можем смотреть на прошедшее иначе, как с точки зрения настоящего. В судьбе отцов мы ищем преимущественно объяснения собственной.

Кирилл Петрович и его побратим, доискиваясь в судьбе своих отцов «объяснения собственной», сами пребывают в двух ипостасях одновременно. Они — и дети из той далекой родной Терновщины и вместе с тем — отцы или даже деды по отношению к Лиде, представляющей современное и будущее. Понятно, что им не безразлично, как она оценит их судьбу «с точки зрения настоящего».

Духовно богатым, красивым предстает перед нами Роман Винник, живущий в полной созвучности с природой. Он слышит землю, читает каждое движение ростков, трудится от зари до зари, и земля ему платит материнской щедростью. Для него труд — это постоянное чудо

открытия, будто он стремится узнать, есть ли предел творческому гению человека в природы. Поражает своим лиризмом и философской значимостью картина, когда Винник, направляясь в праздничный день в село, на каждом природном столбике оставляет красное яблоко. Сквозь все ухабы и овраги суровой судьбы виделась Заболотному та праздничная тропинка детства, осененная лампадами красных яблок, — дорога добра, людской щедрости! И если он, сеченый и меченый в жестоком круговороте войны, не очерствел, сохранил в себе нетронутую нежность, то это — в значительной мере благодаря тем, первым, урокам человечности.

С присущей ему прямоотой Кирилл гневно обличает темноту и алчность кулацких хуторов. Волнующе звучит в его устах эпизод, когда за несколько сорванных для венка колосков кулацкий недоросль чуть не убивает девочку. Не просто злоба, а классовая ненависть шипела в частноственническом понятии «мое». Да, наше общество, которое мы с законной гордостью именуем зрелым социализмом, рождалось нелегко, подчас в муках, ибо рушился веками устоявшийся мир. Естественно, случались и непредвиденные взрывы, рядом с силами конструктивными, осознающими цели революции, всплывали на поверхность и слепые силы разрушения.

Колоритно выписана фигура Мины Омельковича, воспринявшего революцию однолинейно, с перекосом в сторону крушения всего и вся. Писатель предостерегает: когда у человека нет конструктивной

программы, когда, разрушая нормы отжившего, он отрицает всякие нормы вообще, тогда надвигается спекуляция на высоких идеях, дабы прикрыть свою духовную распушенность. Что, к слову, просматривается и в действиях Мины, который в азарте раскулачивания не прочь был пожиться за счет классового врага. Сквозь призму этого образа Олесе Гончар глубоко заглянул в те истоки, из которых пронесли нарушения ленинских норм, решительно и бесповоротно осужденные партией.

Однако люди типа Мины Омельковича — это всего лишь пена на гребне революции. Подлинную ее сущность определяли рыцари чести и справедливости, типичным представителем которых в романе выступает учитель Николай Васильевич Дух. Его мысли и дела проникнуты ленинской идеей: уничтожая старый мир, нужно взять из него то ценное духовное наследие, которое создавалось веками, и сделать его всенародным достоянием.

В духовном портрете любого общества отражены черты отдельных его граждан. И — наоборот. Кирилл Заболотный и его жена София принадлежат именно к тем людям, в которых черты нашего образа жизни проявляются особенно ярко и зримо. К ним подсознательно тянутся не только коллеги, но и знакомые люди. Кирилл Петрович может безоглядно броситься на помощь потерпевшему, порой даже нарушая дипломатический протокол. Кое-кто из коллег считает его чудачком, и в то же время именно ему доверяют решать наиболее труд-

ные вопросы, распутывать самые сложные узлы. В чем магнетизм его личности? Прежде всего — в целеустремленности, внутренней убежденности. Высоком понимании своего человеческого долга. Во всех случаях он действует по законам совести, по моральным нормам нашего общества.

Так ли уж необходимо было Софии Заболотной самой добывать лекарства для больных полиомиелитом японских детей? Ведь проблему можно было решить на соответствующем межгосударственном уровне, как и случилось вскоре. Но она не ждала, она откликнулась на первый импульс боли. И руководил ею не только врожденный материнский инстинкт, а нечто высшее — гуманистическая психология советского человека. И если она в то мгновение действовала, скорее, подсознательно, то это — лишь к чести нашей идеологии, когда морально-этические нормы общества превращаются в привычку, в инстинкт человека.

Коллега Кирилла — Дударевич — тоже дипломат не последнего десятка. Он четко выполняет возложенные на него обязанности, превыше всего ставя протокол, особенно в тех случаях, когда выход за его рамки, пусть даже крайне необходимый, угрожает лично благополучию. За внешней уравновешенностью и респектабельностью кроется опасная философия: все, что целесообразно, выгодно для меня, — нравственно. Причем целесообразно сейчас, сегодня, и нечего, мол, заглядывать далеко вперед, а тем более — в прошлое. И если снять с него ловко наложенный грим «человека широких взглядов»,

то увидим всего лишь узколобого карьериста.

И хотя Дударевич, по-своему заботливый семьянин, стремится одарить дочь дорогими игрушками, угодить каждому ее капризу, все же Лида тянется не к нему, а к Заболотным. Именно в этом, вне всякого сомнения, пафос романа: в незримом поединке с Дударевичем выигрывает Кирилл Заболотный. Победа его неоспорима, ибо на его стороне — Лида, то есть — дети, а следовательно, и будущее. Вернее сказать, будущее за такими, как он, гармонически развитыми личностями, которые, опираясь на достижения научно-технической революции, не забывают истоков духовных.

Роман «Твоя заря» тонко, без ходульной риторики и плакатной патетики апеллирует к сокровенным движениям человеческой души, раскрывает благородство нашего образа жизни, противопоставляя его пластмассовой бездуховности буржуазного мира.

При каждом возвращении героев на родные просторы в романе появляется ощущение той вольной широты, когда дышится свободно, на полную грудь. На мой взгляд, именно в этом романе Олесе Гончар наиболее глубоко воплощался в самом сокровенном, ибо, пожалуй, впервые за всю творческую жизнь так долго пребывал в краю своего детства, на своей благословенной Полтавщине. Это — его сыновний отчет перед отчим очагом, откуда он начинал свой путь к заветным берегам человеческого сердца.

Борис ОЛЕЙНИК.

г. Киев.